

ЗАЧЕМ ЕВГЕНИЙ

**Прославившийся моноспектаклями
«Как я съел собаку», «ОдноврЕмЕнно», «Планета»
и «Дредноуты» писатель, драматург, режиссер и актер
рассказывает, как вырывался из тюрьмы,
бегал по кругу и жил без копейки в кармане**

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Евгений ГРИШКОВЕЦ, уроженец города Кемерово, ныне житель Калининграда (в прошлом – Кенигсберг).

Человек-театр, актер, драматург, режиссер, обладатель «Золотых масок» в номинациях «Новация» и «Приз критики». Лауреат премий «Антибукер» и «Малый Триумф».

Автор произведений «Как я съел собаку», «Город», «ОдноврЕмЕнно», «Записки русского путешественника», «Зима», «Планета», «Дредноуты».

Вместе с группой «Бигуди» выпустил диск «Сейчас».

Женат, растит дочь.

Как сказал известный апологет, а в недавнем прошлом ведущий российский антрополог Дмитрий Дибров, Гришковец – это такая хроническая форма болезни, заразиться ею легко, вылечиться практически невозможно.

Солидарен с Д. Д., поскольку сам уже давно хронически болен Гришковцом.

«Все, что было не со мной, помню»

– Как-то делал интервью с Кобзоном, который долго и подробно, вспоминая детали и имена, рассказывал о событиях многолетней давности. Я не вытерпел и спросил: «Иосиф Давыдович, как вы все это помните?» Кобзон ответил: «Я не помню – я забыть не могу». И с вами, Евгений, нечто подобное происходит?

– Какой молодец Кобзон! Хорошо сказал. У меня так не получается. Но формулировка точная. Не пытаюсь специально что-то удержать в памяти, все оседает там помимо моей воли. События не делаются для меня на важные и второстепенные, но это, признаюсь, весьма утомительно.

– А дневник не вели, шпаргалки не писали?

– Никогда ничего подобного не было. В школе не думал относиться к собственным жиз-

ненным событиям как к чему-то значимому и ценному. Потом учился на филфаке, занимался разбором и анализом чужого текста, стало быть, испытывал панический ужас перед созданием своего. Зато увлекся пантомимой, где слово отсутствует как таковое. Произнесение речей со сцены казалось мне разновидностью преступления. Потом время метафорического языка, всех этих таинственных жестов прошло, и я вырвался из пантомимы, как из тюрьмы.

– Полунин за тюрьму обиделся бы.

– Я ведь не спорю, а высказываю мнение. Слава сумел превратить любительское движение в мощный коммерческий продукт, нашел покупателя. Ну и молодец. Я выбрал другую дорогу. Специфика театра в том, что он всегда существует в настоящем, даже если рассказывает о прошлом. Это единственное не отягощенное условностями нефиксированное искусство. Еще я понял, что литературный театр мне неинтересен, его слишком много.

– Поэтому решили сразу говорить своим языком?

– Да, но сначала не выходил на сцену. Рассказывал некие истории актерам, а они воспроизводили их. Просил, чтобы текст не звучивали, а произносили как бы от себя. Скажем, вы услышали от меня новый анекдот...

– Пока не слышал.

– Встречаются две утки. Одна говорит: «Кря-кря». Вторая отвечает: «Вот, блин! То же самое хотела сказать!» Если даже станете пересказывать анекдот дословно, у вас он звучит по-другому. Это неизбежно, тому есть масса объяснений. Так вот. В театре «Ложа» мы в основном занимались мифами. Пытались излагать известные сюжеты современным языком. Например, «Преступление и наказание» как детективная история. С классикой ведь приключилась страшная вещь: ее перестали читать. Люди знают фабулу, чем и довольствуются. Герасим топил Муму, Каренина бросается под поезд, Гамлет умирает... Меня же не интересовала форма, я шел за словом, а не за собственными драматургическими или режиссерскими задумками.

Сибирские мигранты

– Не забудем указать и место действия – славный город Кемерово.

– В Кузбасс я попал из Питера, где прошло мое детство, где пошел в школу. После Петербурга оказался в Кемерово – это, поверьте, круто. Долгие годы мы жили с внутренним состоянием отъезда, не могли смириться, что Кузбасс – навсегда. Чуть не сорвались во

Владивосток, в Керчь, в Сыктывкар, куда угодно, лишь бы не оставаться. Кстати, с подобным настроением живет огромное количество сибиряков. Никто не признается себе, что никогда не уедет оттуда. Куда, к кому? И все равно об отъезде мечтают даже те, кто родился, живет и умрет в Сибири... Это серьезная проблема. Люди не чувствуют себя хозяевами: зачем обустраивать, налаживать быт, если скоро сниматься с места? Все вокруг временное, дескать, и так перекантуемся, а жить начнем, когда переберемся на Большую землю... Мог бы рассказать много существенного и правдивого о Сибири и Кемерове, но, боюсь, люди обидятся, а я этого не хочу.

– И как же ваши новаторские эксперименты смотрелись на той почве?

– Наш театр был самым популярным в городе с момента основания в 1991 году и до моего отъезда в Калининград в 98-м.

– Сколько народу собирали на спектаклях?

– Зальчик вмещал восемьдесят человек, играть мы могли раз-два в неделю.

– А жили на что?

– В 91-м деньги были еще не так важны, а уже в 93-м мы открыли при театре буфет, переросший в модный молодежный клуб с хорошей музыкой. Стали, по кемеровским меркам, зарабатывать очень прилично – долларов по пятьсот в месяц. Все шло нормально, пока у меня не возникло ощущения бега по кругу. Когда понял, что полностью исчерпал себя в прежнем качестве, объявил об уходе. И действительно, бросил все и уехал.

– Сразу сюда, в Калининград?

– Нет, сначала отправился в Москву, поступал в ГИТИС. Собственно, поступил.

– Окончили его?

– Нет, разумеется. Я не собирался там учиться. Во-первых,

общеобразовательная программа по литературе, истории, философии в ГИТИСе не идет ни в какое сравнение с университетской – уступает на порядок. наших режиссеров и актеров готовят безобразно, их обучают навыкам, вместо того чтобы формировать личности. Но дело даже не в этом. Я шел в ГИТИС, чтобы повстречаться со столичными театральными людьми, посмотреть на них. Когда увидел, что хотел, сразу успокоился. Понял: рваться в Москву нет нужды. С другой стороны, ужасная, поскольку снова встал вопрос, что же делать дальше.

– Но почему все же Калининград?

– Я все-таки житель маленького города. И дело не в количестве жителей. Омск или Томск не станут большими, даже если в них будет обитать по миллиону человек... Я хотел жить там, где можно ходить по улицам и заглядывать людям в глаза. В Москве или Питере это вряд ли получится. Приехал в Калининград, и мне здесь понравилось. Даже не так: я испытал шок, не поверил, что подобное возможно. Тут действует российский паспорт, за покупки расплачиваются рублем, родная милиция меня бережет, но... это же совсем иная земля, другая планета! Поражительное место! Я понял, что должен остаться здесь.

– Вы приехали сюда, когда имя Гришкова было мало известно даже в узких кругах?

– В общем, да. Прежде, знакомясь с кем-нибудь в Москве, мне приходилось представляться так: «Женя, режиссер из Сибири». Обычно после этой фразы интерес ко мне пропадал напрочь. Я принимался судорожно рассказывать, что наш театр участвовал в фестивалях во Франции, Бельгии, Южной Корее, завоевывал звание лауреата... В Калининграде я замолчал.

КОНКУРС!

- Очень кстати в серии «Снегири»/Abooks выходит аудиоверсия самого знаменитого творения Евгения Гришкова – «Как я съел собаку». Голос автора изящно сопровождается музыкой – от Генделя до групп «Мегаполис» и «Бигуди». «Это не новый вариант, а скорее новая редакция, – говорит Гришковец, – потому что много вещей, например, пантомима – в пьесе не отыгрывается. Тут нужно больше колорита, больше описаний. Все, что связано с изображением, нужно переводить в какие-то словесные формы».
- Три компакт-диска «Как я съел собаку» достанутся победителям нашего конкурса. А всего-то нужно – правильно ответить на простой вопрос, который вы без труда найдете сегодня на нашем сайте www.kp.ru

